

А
Константин Михайлович Станюкович

Матроска

"Морские рассказы" - 0

OCR & SpellCheck: Zmiy (zmiy@inbox.ru), 22 апреля 2003 года <http://publ.lib.ru>

"Станюкович К.М. Собр.соч. в 10 томах. Том 7": Издательство "Правда"; Москва; 1977

Константин Михайлович Станюкович

Матроска

{* Впервые -- в газете "Русские ведомости", 1895, NoNo 166, 173, 178, 184, 187, 191, с подзаголовком "Из морских силуэтов прошлого".}

I

Жадно, бывало, заглядывались матросы, возвращаясь небольшими кучками с работ в военной гавани, на молодую, пригожую и свежую, как вешнее утро, жену рулевого Кислицына, Груню.

При встречах с нею почти у каждого из них точно светлело на душе, радостней билось сердце, и невольная ласковая улыбка озаряла лицо.

И когда она, степенная, сосредоточенная и серьезная, проходила мимо, не удостоив никого даже взглядом, многие с чувством обиды и в то же время восхищения смотрели вслед на крепкую и гибкую, хорошо сложенную маленькую фигурку матроски, которая быстро шагала, слегка повиливая бедрами.

И нередко кто-нибудь восторженно замечал:

-- И что за славная эта Груня!

-- Д-да, братец ты мой, баба! -- сочувственно протягивал другой. -- Но только ее не облестишь... Ни боже ни! -- не то с досадой, не то с почтением прибавлял матрос... -- Матроска правильная... честная... Не похожа на наших кронштадтских... Она кому угодно в ухо съездит.

-- Прошлым летом одного лейтенанта так угостила, что морду-то у его ажно вздуло! -- со смехом проговорил кто-то.

-- За что это она?

-- А вздумал, значит, лейтенант ее под микитки... Черт!

-- Вот так ловко! Ай да молодца Грунька! -- раздавались одобрительные восклицания.

Действительно, в Груне было что-то особенно привлекательное.

Даже кронштадтские писаря, подшкиперы и баталеры, любители и поклонники главным образом адмиральских няnek и горничных, понимающих деликатное обращение и щеголявших в шляпках и кринолинах, -- и те не оставались к ней презрительно равнодушны. Победоносно закручивая усы, пялили они глаза на эту бедно одетую матроску с приподнятым подолом затасканной юбки, открывавшим ноги, обутые в грубые высокие сапоги, в старом шерстяном платке на голове, из-под которого выбивались на белый лоб прядки светло-русых волнистых волос.

Но все как-то необыкновенно ловко сидело на Груне. В щепетильной опрятности ее бедного костюма чувствовалась инстинктивная кокетливость женщины, сознающей свою красоту.

При виде хорошенькой матроски, господа "чиновники", как зовут матросы писарей и разных нестроевых унтер-офицеров, отпускали ей комплименты и, шествуя за ней, громко выражали мнение, что такой, можно сказать, Красавине по-настоящему следовало бы ходить в шляпке и бурнусе, а не то что